

С.В. Мохов, магистрант 1 курса факультета прикладной политологии
Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики.
svmohov.hse@gmail.com 8-925-127-91-77

Mokhov Sergey, National Research University – Higher school of economics
Graduate student faculty of Politics. svmohov.hse@gmail.com 8-925-127-91-77

Городской памятник, как инструмент nation-building: символическое пространство и историческая память¹

Аннотация

Исследование ставит перед собой цель выявления оценки прошлого и настоящего студентами московских вузов с помощью их когнитивного восприятия городских памятников. Результатом проведенного исследования стала гипотеза о короткой исторической памяти, негативной идентичности, стыд за происходящее в стране. Как следствие – безразличие к изменению символического пространства города, частью которого являются памятники.

Abstracts

The aim of this research is identify cognitive perceptions of city monuments and assessment of the history and modernity by Moscow students. Result of this research is the hypothesis about short historical memory, negative identity and shame for modernity. In the end - indifference to a change in the symbolic space of the city, part of which are monuments.

Ключевые слова

Историческая память, памятники, символическое пространство.

Keywords

Historical memory, monuments, symbolic space.

За последние двадцать лет, в Москве было установлено и отреставрировано большое количество новых мемориалов и памятников. Государство взялось за заполнение резко опустевшего символического пространства. Дмитрий Донской, Александр Невский, генерал Скобелев – их именами были названы улицы, станции

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 11-04-0045 «Политика регулирования межэтнических отношений в связи с притоком иноэтнических мигрантов в крупнейшие города России. (Компаративный анализ проблемы и выработка концептуальных основ политики)» по конкурсу Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ» «Учитель-Ученики» 2011-2012 гг.

метро, новые районы. Произошла смена периода «борьбы с царями» на культ исторических предков [Левинсон, 2004, с.244].

Внешний вид Москвы резко изменился. Наряду с созданием новых символов государства – герба, флага, гимна – власть принялась за репрезентацию прошлого. Одним из способов трансляции «новой национальной истории» стал городской памятник – какие-то мемориалы были преданы забвению, а какие-то обрели новую жизнь.

Историческая память: мемориалы и городское пространство

Не существует обществ, которые не были бы озадачены «правильной» трактовкой своей истории [Нора, 2005]. Демократизация, а значит, и плюрализм мнений создают площадку для открытого обсуждения истории и исторических фактов. Это ведет к появлению противоположных трактовок одних и тех же событий. Происходит рост числа музеев, генеалогических обществ, мемориальных мероприятий. Все больше и больше людей увлекаются реконструкцией культурных практик своего народа. Возобновляется привязанность к «наследию» - тому, что в англоязычном мире называется «heritage», а во Франции - «patrimoine» [Там же].

Исторические искания и сама историческая память находят свое отображение, прежде всего, в общественных практиках и нормах. Коммеморация (сооружение музеев, установление праздников, установка памятников) является важнейшим элементом государственной политики и инструментом строительства нации в конструктивистских парадигмах [Gillis J, 2004, p.134]. Такую роль коммеморации приписывает Э. Хобсбаум и Б. Андерсон [Данилова, 2003].

Конструирование нации выражается, в том, что власть имеет монопольное право акцентировать внимание на одних моментах истории, замалчивать или вовсе маргинализировать другие. Государство способно ограничивать доступ к «местам памяти», то есть к архивам, выражаясь языком Пьера Нора. Государство определяет тот набор знаний об истории, которым должен обладать каждый гражданин путем создания единых стандартов образования [Миллер, 2009].

«Места памяти» и мемориалы живут благодаря чувству, что памяти как таковой нет – она нуждается в постоянном «напоминании», в подпитке [Нора, 2005]. Память ограничена достаточно узкими пространственными и временными рамками. Для этого нужны ежегодные праздники, архивы. Так мы наблюдаем, как с каждым годом все большую и большую озабоченность вызывает празднование дня Победы. Появляются

опасения - вдруг молодежь начнет забывать.

По мнению Мориса Хальбвакса, коллективную память формируют и поддерживают социальные институты и группы. Они не только репродуцируют, но и конструируют прошлое. Коллективная память, на манер Дюркгейма, принудительна и всегда носит обязательный характер [Хальбвакс, 2005].

Память работает по принципу восстановления временной последовательности – продолжение прошлого настоящим [Дубин, 2009]. Значимые события, сшивающие в единое целое эпохи, воплощаются в символе. Одним из элементов коммеморации является интересующий нас городской памятник. Помимо важнейшей функции напоминания он еще и маркирует пространство. С водружением памятника происходит изменение городского символического ландшафта. Иными словами – памятник осваивает пространство, делает его своим. Усиливает его эффект и тот факт, что власть над пространством является самой сильной властью [Бурдые, 2007, стр 110].

Однако памятник имеет качественное отличие — он не носит характер «обязательного» как, например, школьная литература. За счет этого становится важным когнитивный характер восприятия его горожанами, смысловой посыл конкретного мемориала. На первое место выходит контекст, в котором находится сам памятник. Таким контекстом выступает город.

Городское пространство не только трехмерно. Оно воспринимается на уровне абстракций и воображения. Городское пространство состоит из ориентиров, узлов, границ, районов и мест [Дубин, 2009]. Эти неотъемлемые части разделены между собой подчас символически.

Город выступает, как коллективный опыт – исторические и социальные ассоциации играют огромную роль в распознавании городского пространства. Памятник выступает маркером, наполняя ту или иную часть города символическим смыслом. И если эту ценность разделяет коллективное представление – она приобретает статус сакрального, неся за собой нормы и правила поведения в данном месте. В коллективном представлении город окрашен в гамму социальных чувств – одни памятники замечают, другие игнорируют [Rowles, 1983, p. 293-313].

Г. Зиммель полагал, что городское пространство это совокупность символических точек, наполненных определенным социальными смыслами [Зиммель, 2002, с.23-34]. Их главная функция – превратить «пустое» пространство в социально осмысленное. Городское пространство и его символические точки, к числу которых относятся и городской памятник, задают модели жизненных приоритетов.

При этом наше внимание в городе все равно остается мимолетным и фрагментарным. Слишком много информации нас окружает, и наша память дистанцируется от происходящего. Помимо этого – многие вещи мы воспринимаем как должное и повседневное [Трубина, 2010, стр 22].

Городской памятник, как институт, совмещает в себе оба вышеописанных процесса. Он одновременно является частью коммеморации, инструментом nation-building и в то же время он является маркером городского пространства. Поэтому для полноценного изучения роли памятника - необходимо учитывать, какое место в коллективной памяти занимает то событие, что репрезентировано в мемориале и то, как и где он установлен (иными словами - находится ли он на когнитивной карте города).

При этом памятник выступает инструментом nation building в том случае, если существует сам процесс nation-building, который в свою очередь базируется на поиске компромисса касательно своего прошлого, настоящего и будущего. Значение памятника, как инструмента, сильно зависит от политического контекста [Криволап, Матусевич, 2008, с.92]. Это необходимо учитывать и в случае российского кейса.

Методология исследования

Гипотезой для данного исследования послужило предположение об отсутствии (или неэффективности) процесса строительства российской нации и как следствие неэффективности её инструментов. Молодое российское государство встало перед невозможностью деконструкции советской нации, так как советское прошлое мыслилось в непрерывной логике общей истории России. Отсутствие социальных достижений и довольно закрытый характер политической системы новой России оказал негативное влияние на проект гражданской нации [Паин, 2010, с.134]. Стало возможным говорить о продолжении советской «имперской» риторики, что моментально нашло отражение и в *политике исторической памяти*. Исследование отношения к городскому памятнику, как символу, московских студентов вносит свой вклад в системное изучение ценностных установок россиян и соответственно помогает спрогнозировать успешность гражданских проектов нацистроительства.

Для проведения исследования, в качестве репрезентативной группы были выбраны именно студенты в возрасте 19-24 лет. Данный выбор обусловлен тем, что их сознательная жизнь происходила уже в современной России, они не помнят времена СССР. Это позволяет избежать предвзятой оценки уже ставших историческими

событий. Это так же позволяет увидеть, что молодое поколение считает важным на том временном отрезке, которому они сами стали свидетелями. Иначе говоря, какие события последних двадцати лет являются настолько важными, что должны быть (могут быть) запечатленными в памятниках и мемориалах. Место рождения и проживания интервьюированных - строго Москва – это позволяет избежать субъективных оценок городского исторического наследия, личностных привязок к местам и т.д. Респонденты интервьюировались в ноябре-декабре 2010 года, на улицах города Москвы, в торговых центрах.

Методом исследования было выбрано полустандартизированное интервью, количество респондентов составляет 30 человек, поэтому на общую репрезентативность социальной группы «московского студенчества» исследование не претендует. Результаты позволяют сделать промежуточные выводы и выработать гипотезу, которая, безусловно, в дальнейшем нуждается в проверке иногда качества.

Общее время каждого интервью составляло около 25 минут. Вопросы были разделены на несколько тематических блоков: памятники и их место на когнитивной карте города; историческая память: стыд и гордость за прошлое и настоящее; памятники и история, как фактор консолидации.

Московский городской памятник на когнитивной карте города

В качестве основополагающего вопроса интервьюированным предлагалось назвать столько памятников и мемориалов в Москве, сколько они помнят. Среди чаще вспоминаемых назывались памятники исторического центра Москвы. Это памятники Пушкину, Гоголю, маршалу Жукову, Юрию Долгорукому, Минину и Пожарскому. На втором месте памятники, которые встречаются по пути домой, на работу, учебу.

Город и его пространство, наполненное памятниками, делится на две части. Первая – это центр города. Он ассоциируется с историей - наполнен музеями, памятниками, аллеями и несет функцию хранилища культурного прошлого. Центр города так же связан с досугом, прогулками, встречами с друзьями: «Вспомнила, мне еще нравится памятник рядом с Третьяковской галереей...как его...памятник людским порокам... Там летом красиво так, когда гуляешь» [Интервью № 5. жен. 21 г., студентка ГУ-ВШЭ].

Вторая часть города – окраины и то, что стало повседневным – пути следования, знакомые места. Там памятника как будто и нет: «А, вот еще – памятник Эрнесту Тельману – он рядом с метро стоит, когда в универ идешь» [Интервью № 7. муж. 19 лет,

студент ГУ-ВШЭ]. Памятник перестает нести сакральный смысл, становится скорее элементом городского декора, точкой ориентирования: « - Если бы у Вас была (есть) квартира в новом районе Москвы, скажем в Бутово, для Вас играло бы роль – есть ли памятники в Вашем районе или нет? - Мне было бы без разницы. Главное инфраструктура. В центре памятники нужны. А так, на окраине...на него легко ориентироваться, когда там встречи назначаешь, например...не знаю даже...вряд ли» [Интервью № 21. муж. 22 г., студент МППГУ]. Респонденты чувствуют, что должны осознавать особую «образовательную» функцию памятника, но для себя отмечают, что чаще и не знают, кому, зачем и когда поставлен мемориал: «У нас на районе есть памятник ХоШиМину, но кто он такой я не знаю...Мы его с парнями «Косым» называем, когда договариваемся о встрече – встречаемся у «Косого»».

Интересен и тот факт, что интервьюированные не воспринимают изменения, которые происходили с городом за последние 20 лет. Респонденты не могут вспомнить или очень тяжело вспоминают памятники, которые были открыты или, наоборот, убраны с городских улиц в новой России. Ни многочисленные монументы от Церетели, вроде знаменитого Петра Первого, ни снос памятнику Дзержинскому не отражается в коллективной памяти. Отсутствуют в памяти и уже длящиеся не один год споры о памятниках Ленину и Сталину, не находит своего места в памяти так же и скандальный генплан московских властей по изменению облика города [ВЦИОМ, 2005].

Стыд и гордость: историческая память и настоящее

«Памятники нужны чтобы помнить свою историю, чтобы испытывать гордость за свою страну» - так определяют задачу городскому памятнику интервьюируемые студенты [Интервью №17 муж. 19 лет, студент МАДИ]. Однако за что они испытывают гордость и что достойно репрезентации в памятнике является отдельным вопросом, который стал традицией, начиная со знаменитой книги Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура». В интерпретации Алмонда и Вербы этот вопрос звучал так: «Говоря в целом, что в Вашей стране есть такого, чем вы больше всего гордитесь?». Мы расширим этот вопрос: помимо чувства гордости нас так же интересует и стыд за прошлое и за настоящее.

В ретроспективе, у московских студентов вызывает гордость полет в космос, победа в ВОВ, научные достижения страны. При этом молодому поколению фактически не стыдно за прошлое своей страны: «Да нет ничего такого, за что испытываю стыд. Мы всегда были великой страной и все делали для того, чтобы быть

ей» [Интервью № 13, муж. 19 лет, студент МГУ]. Стыдно за проигранные войны – русско-японскую, первую мировую. Только у троих из опрошенных вызывают стыд сталинские репрессии.

Историческая память фактически не выходит за границы советского прошлого. Изредка называется Куликово поле, избавление от татаро-монгольского ига, победа над французами в 1812 году. Невысокое место так же занимает и гордость за культурное наследие. Это все свидетельствует о «великодержавнической» идентичности у молодого поколения – мы есть тогда, когда есть враг и победа над ним. При этом из 30 интервьюируемых только двое вспомнило о Парке Победе при перечислении памятников Москвы и никто не вспомнил о Триумфальной Арке. Это говорит о внешнем воздействии на представления молодежи. Победа в ВОВ, полет в космос является навязанной ценностью (стыдно не гордиться), к которой они сами при этом не имеют никакого отношения. Интересен и тот факт, что при проведении ВЦИОМом схожего опроса общественного мнения: «самые значимые события 20 века» респонденты так же не выходили за границы советского прошлого. Таким образом, 17 первых лет двадцатого столетия для них значат не столь много, как события последующих лет [Гудков, 2002, с. 147]. Это так же подтверждает вышеобозначенный тезис – в общественной дискуссии не обсуждается революция и её последствия, первая мировая, становление думы в царской России.

Интервьюируемые чаще испытывают стыд за происходящее сейчас в стране. Стыд вызывает все – социальное положение, экономика, реформы, политические преследования. Среди положительных для них вещей называется рост обороноспособности страны. Многие вообще затрудняются ответить, если им за что испытывать гордость, когда речь идет о событиях последних 20 лет.

Новая Россия не является ценностью – за неё только стыдно. При проведении интервью задавался вопрос: «Какие события прошедших 20 лет, с Вашей точки зрения, нуждаются в увековечивании посредством городского памятника?», на который респонденты затруднялись ответить. Часто звучал категоричный ответ: «Ничего». После небольших раздумий, многие называли негативные события – терроризм (жертвам террора), мемориал воинам чеченской войны, афганцам, гибель подлодки «Курск».

Стыд и гордость являются частой темой для социологических исследований ИС РАН, ВЦИОМА, Левады-центра и ФОМ. Данные, полученные вышеуказанными центрами, схожи с данными этого исследования. Отличительной чертой является

гораздо больший диапазон ответов по гордости за события современной России. Это является следствием закрытых вопросов при опросах общественного мнения. Так респондентам предлагалось вспомнить о спортивных и культурных достижениях, о реорганизации армии, возобновлении полетов бомбардировщиков. В качестве итога приведу слова В.С. Магуна: «Жители России сравнительно сильно гордятся достижениями, которые мы выше обозначили как элитарные: творческими, инновационными, «разовыми» достижениями исторических деятелей, достижениями в области литературы и искусства, в спорте, науке и технике. Но при этом они, как правило, не гордятся или мало гордятся рутинными аспектами жизни страны, которые характеризуют повседневную жизнь людей и непосредственно сказываются на благополучии широких слоев населения» [Магун, 2005].

Памятник, как фактор консолидации

Общая история, общие трагедии и достижения объединяют людей на огромном расстоянии. Нация конструируется во многом за счет единого прошлого и, как кажется участникам этого сообщества, – единым будущим. Последней частью проведенного исследования стала попытка узнать – в чем видится общность граждан России, есть ли она вообще и каким видят свое будущее студенты московских вузов. При этом городскому памятнику отводится роль инструмента nation-building. Респондентам предлагалось порассуждать на темы:

- разницы между регионами и жителями разных регионов (Как Вы думаете, что больше - различий и общего между жителями разных регионов и почему?)

- общего между детьми москвичей и детьми приезжих (Предположим, что через 10-15 лет у Вас будут дети и они пойдут в школу, где будут учиться вместе с детьми приезжих из других регионов. Как Вы думаете, историческое прошлое России может их объединять? Какие события из истории? Что может быть отражено в памятниках? Какие памятники вы бы показали сами, а какие оставили бы для школьной программы?).

Так, московским студентам кажется, что существуют коренные различия не только между москвичами и жителями других регионов, но и просто между жителями разных регионов. Причем с жителями кавказских регионов это различия ощущаются особо остро: «Ну, я много где был по России и могу точно сказать, что люди в Петрозаводске, в Омске, в Ростове другие. У них свои какие-то правила и представление о поведении. И они не только от московских отличаются, но и между

собой...Кавказцы вообще отдельная тема. Они другие...С ними общего ничего нет» [Интервью №24. муж. 22 года, студент МГТУ им. Баумана]. Различия объясняются культурными факторами, расстоянием, а так же разными социальными возможностями: «Да во многих регионах - черт знает что происходит, живут там, как в своем мирке каком-то» [Интервью №12. жен. 21 года, студентка МГУ]. В коллективном представлении существуют сибиряки, южане, волжцы, не говоря уж о неславянском населении России. Общероссийская слабо выражена. Причем эти данные так же подтверждались в исследовании ИС РАН. При этом необходимо отметить, что связь с регионом так же незначительна в сравнении с другими странами: «Россияне в минимальной степени (в сравнении с населением других стран мира) ощущают единство со своей страной или, что то же самое, – в максимальной степени отчуждены от нее. Примечательно, что степень отчужденности находится у россиян на том же уровне, что у арабского населения Израиля, этнически отличающегося от титульного населения страны» [Магун, 2005].

Интервьюируемые полагают, что их будущие дети будут иметь ряд отличий от детей приезжих из других регионов. При этом, как считают респонденты, с кавказцами их детям будет тяжело найти общий язык. Звучат, как и критические замечания: «Я сделаю все, чтобы мои дети вообще с ними не учились» так и оптимистичные: «Ну, если они (школьники кавказцы) будут забывать про свою родину и захотят узнавать нашу (!) историю, то тогда все нормально будет...Они же тоже в большом городе выросли» [Интервью № 6 и 9, жен. и муж. 20 лет, студенты]. Такое исключение кавказцев из общероссийской идентичности и придание им образа «врага» подтверждает и исследование ВЦИОМ [Гудков, 2002, с. 227].

История объединяет все население России. Кроме опять же кавказцев - вспоминаются коллаборационистские движения и кавказская война в 19 веке: «Мы против них воевали постоянно, чего ж еще». «Наверное, им будут интересны научные достижения, но не военные заслуги...это не будет объединять». Это был ответ на вопрос, что может заинтересовать ваших детей и детей кавказцев, что будет их объединять. С учетом того, какую важную роль играют военные победы в исторической памяти, это высказывание звучит пессимистично. Стоит так же отметить, что о гражданственности, как об объединяющем факторе сказали только двое из опрошенных. При этом в отсутствии «гражданского» респонденты не видят ничего плохого: «Ну и что, что имперское прошлое; у нас больше нет ничего». Респонденты не задумываются о том, что созыв парламента, создание своего государства, конституция,

демократические реформы могут быть предметом гордости и достойны репрезентации в памятнике. Социальная фрустрация становится разочарованием в общегражданских целях.

Городские памятники, их образовательную функцию респонденты полностью переключают на школу. Они полагают, что в школе достаточно уделяют времени экскурсиям и рассказывают все, что надо знать: «Что Вам запомнилось самим из школьных экскурсий? – Пушкинские места, военные мемориалы, исторические музеи. Этого достаточно будет Вашим детям, как думаете? – Ну да, а что еще показывать то?».

Место для встречи

Подводя итог данному исследованию, хотелось бы держаться логики причинно-следственных связей и начать с исторической памяти, с её специфики, которая и является как раз «причиной» такого «следствия», как безразличие к символизму памятников московскими студентами.

Результаты проведенного мною интервью показали, что в коллективной памяти опрошиваемых нет ничего исторически содержательного. Из школьной программы, из каких-то других источников респонденты знакомы в общих чертах с историческими событиями, но они не переносят их на себя, не могут сказать, что является важным, а что нет, за что испытывают гордость, а за что стыд.

Историческая память редко выходит за границы дореволюционного. Вспоминаются отдельные выигранные Российской Империей войны, в восприятии тонут целые исторические пласты. Наверх выходят персонажи масскульта – Александр Невский, Кутузов, Иван Грозный. Остальная часть исторической памяти занята советским – Победа в ВОВ, коллективизация, научные достижения, полет в космос. Именно эти события считают исторически важным опрошенные мною московские студенты. Справедливости ради стоит отметить, что высказывалось мнение о предвзятости оценок исторического прошлого: «Необходимо поставить памятник всем погибшим в гражданскую войну – и красным и белым». Это звучит, как требование общественной дискуссии. Негативные события подавляюще преобладают над позитивными.

Такую же оценку интервьюируемые дают и тому, что произошло в стране за последние 20 лет. Терроризм, чеченская война, коррупция, гибель «Курска» – основные тренды в коллективном восприятии России 90-ых и 00-ых. Среди «позитивных» факторов (которые на самом деле являются все так же негативными) называлась победа

над Грузией, рост обороноспособности страны.

Именно выше обозначенное и является причиной того, что городской памятник стал для московских студентов лишь местом, где назначаются встречи. Таким образом, складывается две параллельные структуры. Личностное, когнитивное или общественное, конструируемое. И они не пересекаются. Респонденты описывают прошлое, настоящее, наполняют его символами, но те же самые символы на городском пространстве подчас уже не в состоянии вспомнить. Пример этому – студенты не вспоминают Парк Победы, когда перечисляют мемориалы, памятники Москвы, хотя Победа в ВОВ является важнейшим символом коллективной идентичности. В большинстве своем они не вспоминают Триумфальную Арку, памятник героям Плевны и другие военные мемориалы.

Историческое событие/частота упоминания	Памятник/частота упоминания
победа в ВОВ (27 из 30)	памятники деятелям культуры (30 из 30)
полет в Космос (25 из 30)	монумент покорителям космоса на ВДНХ (2 из 30)
заслуги в культуре (4 из 30)	Парк Победы (2 из 30)

Подтверждает и эту гипотезу тот факт, что отсутствует значимость памятника для новых районов Москвы, по мнению интервьюируемых. Таким образом, существует «школьный конструкт», который создал представление об истории и памятных событиях у тогда еще будущих студентов. И существует персональное отношение к этому. Возможно за счет «негативного» характера национальных символов молодые не хотят их переносить на себя. Это подтверждается и полной апатией к сносу и установке новых мемориалов.

Таким образом, результатом данного исследования стала рабочая гипотеза отсутствия (или неэффективности) процесса строительства российской нации и как следствие неэффективности её инструментов. Интервьюируемые полагают, что история (в частности, памятник, как транслятор) может объединять население России на таких огромных пространствах. Но история и общее прошлое нивелируются социальными различиями, экономически сложной ситуации и даже культурными факторами. Намечается тенденция к регионализации. Опрошенные не знают, что могло бы объединять их будущих детей с детьми приезжих из других регионов – отсутствуют новые факторы консолидации, такие, как гражданственность. Даже история теряет свою значимость. Она начинает мыслиться, как «русская», а значит принадлежность к историческим событиям, к истории начинает носить характер имплицитного, исключаяющего.

Что же касается конкретных предложений по изменению вышеописанного патримониального отношения студентов к истории, действительности и своему наследию, то поводов для пессимизма куда меньше, чем кажется. Один ответ на вопрос: «Чему стоит поставить памятник? – Чему-то хорошему» как-никак лучше демонстрирует это.

Возможно, если бы городские власти поменяли свое отношение к самой стратегии «репрезентируемого», если ли бы вместо исторических событий на первое стали выходить духовные и нравственные ценности, а так же социальные проблемы – то и отношение к памятникам изменилось. А пока получается, что студенты слишком заняты теми социальными проблемами, которые их окружают, и история, без того перенасыщенная негативными событиями их просто не интересует.

Список литературы:

1. *Бурдые П.* Социология социального пространства. — Москва: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алтейя, 2007
2. *Н. Данилова* Мемориальная версия Афганской войны (1979-1989 годы)
<http://www.navoine.ru/articles/925>
3. *Борис Дубин.* Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий.
http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiу/5023-boris-dubin-pamyat-vojna-pamyat-o-vojne-konstruirovanie-proshlogo-v-socialnoj-praktike-

poslednix-desyatiletij.html

4. *Л. Гудков* Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 – М: Новое литературное обозрение.
5. *Г. Зиммель*. Большие города и духовная жизнь. Логос. 2002. №3-4
6. *А. Левинсон*. Опыт социографии: статьи. Память. Памятник. Мемориал. М: Новое литературное обозрение. 2004
7. *Линч К.* Образ города. М: Стройиздат. 1982.
8. *А. Миллер* Россия. Власть и история. Pro et contra. 3-4 2009.
http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf
9. *Пьер Нора*. Всемирное торжество памяти.
<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>
10. *Пьер Нора*. Проблематика мест памяти. <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>
11. *Е. Трубина*. Видимое и невидимое в повседневности городов. Визуальная антропология: городские карты памяти. М: Неприкосновенный запас: 2010
12. *Морис Хальбвакс*. Коллективная и историческая память.
<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
13. *Gillis J. (Ed.)*. Commemorations: The Politics of National Identity. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994.
14. *Rowles G.D.* Place and personal identity//Journal of environmental psychology. 1983. №3 p. 293-313